

Сергей Феликсович Черняховский –

доктор политических наук, профессор,
действительный член Академии политических
наук

Романтика и Твердость

Некогда эта страна была значительно сильнее...

Некогда эта страна была значительно обширней.

Аркадий и Борис Стругацкие
«Обитаемый остров»

Сегодня Россия значительно меньше, беднее и слабее, чем некогда был Советский Союз. Ее влияние менее значительно, у нее союзников намного меньше, и с ней разговаривают так, как никогда не посмели бы говорить с СССР. Конечно, на полках магазинов — товаров заметно больше, чем было в советское время, — но и бедных во много раз больше. Причем за это уве-

личение ассортимента товаров страна заплатила гибелью промышленности, деградацией образования и нищенством науки. Для большинства граждан России сегодня проблемой является купить новый телевизор или холодильник — для большинства граждан СССР это перестало быть проблемой еще в 1960-е годы.

Стране, людям и обществу — обидно. И они всё чаще ностальгически

вспоминают о том, когда они чувствовали себя мировым лидером и маяком исторического прогресса. И тоскуют по той мощи и уважению, которые оказались сменены на многообразие товаров повседневного потребления.

Им хочется вернуть мощь и величие СССР — но не хочется расставаться с товарным изобилием на полках. И возникает вопрос: что России взять с собой из советского наследия — чтобы стать такой же сильной, богатой и уважаемой, каким был Советский Союз? Но дело не только в этом, не только в этих материальных факторах силы.

Дело в том, что если Советский Союз ставил задачу самому создавать свое будущее и имел представление о том, куда он хочет прийти — то есть был ориентирован на постоянное движение и созидание, — то Российская Федерация не знает, куда она хочет прийти, не имеет тех целей и идеалов развития и не может ответить на вопрос, где она хочет оказаться в результате своего движения. Она уже понимает, что ей чего-то не хватает от СССР, — но пока не может дать себе отчет в том, чего же именно.

Общество и политический класс так или иначе убеди-

Если Советский Союз ставил задачу самому создавать свое будущее и был ориентирован на постоянное движение и созидание, то Российская Федерация не знает, куда она хочет прийти, не имеет тех целей и идеалов развития и не может ответить на вопрос, где она хочет оказаться в результате своего движения. Она уже понимает, что ей чего-то не хватает от СССР, — но пока не может дать себе отчет в том, чего же именно.

лись в необходимости признать единство и самоценность всех периодов отечественной истории — и досоветского, и советского. То есть, строго говоря, — монархического и республиканского. Но в понимании доминирующей части политического класса это единство выглядит достаточно своеобразно и незавершенно.

Их официальная версия единства истории склоняется к трем тезисам.

Первый. Была некогда великая Российская империя.

Второй. Злые большевики разрушили ее.

Третий. Но великий Сталин восстановил.

С этой точки зрения романовская Империя и Советский Союз — это примерно одно и то же. И тогда нынешней России брать с собой в дальнейший путь нужно исключительно «державное величие»: армию, авиацию и флот. Ну, еще ВПК и атомно-космический комплекс.

Но в таком случае выпадет основное: ответ на вопрос, в чем были слабости Империи — и в чем была сила Союза. И значит, не получится ни оградить себя от слабостей первой, ни вернуть себе силу второго. Для того чтобы создать Союз потребовалось разрушить Империю. Можно было бы сказать, что Союз пришлось разрушить для создания Федерации. Но Союз был значительно сильнее и влиятельнее Империи, а Федерация оказалась намного слабее и беднее и Империи, и Союза.

Можно было бы сказать, что от Союза Федерации нужно бы взять с собой его промышленность, науку, искусство, военную мощь, здравоохранение, образование и всю социальную сферу.

Но с одной стороны, многое из этого было элементами другой эпохи — индустриального мира, — тогда как сегодня нужно позиционировать себя в мире информационном, постиндустриальном. С другой сто-

Образ создателя ВЧК – это не образ сытости и зажиточности развитого социализма, это как раз нечто противостоящее: образ лишений, наполненных романтикой создания Нового Мира и жесткими мерами по его обеспечению.

роны, всё перечисленное было не источником, а результатом некоего иного – позволившего в свое время их создать и развивать.

В сакраментальном 1913 году индустриальный потенциал России составлял 10 процентов индустриального потенциала США. В 1985 году индустриальный потенциал Союза

составлял 55 процентов индустриального потенциала Штатов. То есть за время своего существования СССР в среднем развивался в пять с половиной раз быстрее, чем США. Российская Федерация – при своих успехах в нулевые – к благополучному предкризисному 2007-2008 году не достигла в своем экономиче-

ском развитии уровня РСФСР проблемного 1990-го.

Брать нужно не столько то, что удалось создать, – сколько то, что позволило всё это создавать со скоростью, опережающей развитие лидеров остального мира.

Здесь – корень того, что позитивно отличало Союз от Империи. И на всякий случай – относительно легенд о рывках развития дореволюционной России: рывки были, но в целом с 1861 по 1913 год ее разрыв с ведущими странами мира не сокращался, а увеличивался.

Значит, после 1917 года в стране появилось нечто, что позволило эту динамику переломить – и на место нарастающего отставания пришло нарастающее же ускорение.

Вопрос в том, чем было это нечто, и в том, что именно это нечто нужно восстанавливать и брать с собой в новую эпоху. Недавно министр обороны РФ Шойгу подвел итоги расследования трагедии обрушения казармы ВДВ в Сибири. Он сказал, что здание было построено с нарушениями технологии в 1975 году и после проведения реконструкции и капитального ремонта в 2013-м не выдержало и рухнуло.

Это к вопросу что брать с собой из советского опыта и советских достижений, если «некачественное» советское десятилетиями стоит и не ломается, а современное «качественное» не выдерживает и двух лет.

Всё дело в сравнении. Советское можно считать хорошим, можно – плохим. Оно может быть и хорошим, и плохим. Проблема только в том, что нынешнее, как правило, еще хуже.

По данным Левада-Центра на июль 2015 года, к идее восстановления памятника Дзержинскому положительно относится 51 процент москвичей, отрицательно – 25 процентов. Причем заслуживает

внимания и распределение ответов по возрастным категориям респондентов.

Если в целом в городе идею поддерживает 51 процент жителей, а отвергают 25 процентов, то в возрастной группе 18–24 лет «за» — 63 процента («против» — 18 процентов), в группе 25–39 лет «за» — 39 процентов («против» — 24 процента), в группе 40–54 лет «за» — 48 процентов («против» — 29 процентов), в группе старше 55 лет «за» — 61 процент («против» — 24 процента).

То есть во всех группах — большинство за памятник. Но лидируют в поддержке идеи его возвращения те, кто родился между 1991 и 1997 годами, на втором месте — родившиеся до 1960 года, на третьем — 1960–1975 годов рождения, а в аутсайдерах — родившиеся в собственно «застой» (после 1976 года) и в перестройку (1985–1991 года).

Почему об этой статистике имеет смысл говорить в контексте размышлений о тех элементах советского прошлого, которые должны быть взяты в будущее России? Потому что доминирующее позитивное отношение наиболее молодых групп к Дзержинскому — это уже не ностальгия по социальной защищенности и «дешевой колбасе» 60–70-х.

Образ создателя ВЧК — это не образ сытости и зажиточности развитого социализма, это как раз нечто противостоящее: образ лишений, наполненных романтикой создания Нового Мира и жесткими мерами по его обеспечению. То есть для рожденных до 1960-го — это образ величия страны времен их юности. Но для рожденных после 1991-го — это частично образ того, чего они увидеть не успели, то есть мира, которого они оказались лишенными накануне своего рождения, и образы того, чего в нынешнем мире им не хватает: романтики и жесткости.

**ЗА СЧАСТЛИВУЮ ЮНОСТЬ
ГОЛОСУЕТ СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ!**

«Советское начало» всегда рассматривалось как нечто большее, нежели «коммунистическое начало», несмотря на значительную связанность обоих понятий.

Современное общественное сознание имеет гораздо более сложный, многосоставной характер, чем это кажется адептам примитивных политических схем — адептам, призывающим к «окончательному разрыву» с «советским наследием» и «советской символикой».

Если задавать вопрос: что лучшее из советского наследия имеет смысл брать с собой в будущее России, — то на сегодня именно в такой формулировке вопрос выглядит явно устаревшим. Двадцать лет назад можно было спрашивать: всё ли из советского наследия нужно разрушать? — и ответом

Для кого-то советское – это синоним слова «совок»: всё заскорузлое, серое, убогое, очереди, давка в транспорте, разборки личной жизни на парткоме, унижительные выезды на овощные базы и на картошку.

на этот вопрос во многом стали три выпуска «Старых песен о главном», вышедших в новогодние ночи на 96-й, 97-й и 98-й годы. Особенно первый из них.

А потом Эрнст заявил, что проект закрывается и продолжения не будет: потому что оно наступало уже не в виде ностальгических песен новогодних «огоньков», а в образе полусоветского правительства Примакова, когда оказалось, что старательно сбитый на рубеже 80–90-х антисоветский каркас рассыпается даже не под ударами бессильной и трусливой «компартии», а под тайфуном экономической и политической реальности.

Строго говоря, «постсоветское» вовсе не означает «анти-

советское». В подобных случаях приставка «пост» по смыслу отнюдь не совпадает с приставкой «анти»: она скорее означает «вытекающее из», «основанное на». То есть термин «постсоветское» идентифицирует не «несоветское», а «вытекающее из советского», «основанное на советском».

Убрать «советское» из «постсоветского» — это совсем не значит «очистить советское до досоветского», это значит убрать из него то, на чем оно основано, — а следовательно, вызвать обрушение, новый катаклизм, не говоря уже о том, что возможность подобной элиминации вообще вызывает сомнения. Система советских образов, символов, ценностей в том или ином

виде не только сохраняется в отдельных сегментах общества — скажем, в просоветски ориентированных избирателях КПРФ и ее симпатизантах, — она пронизывает всё общество, все политические силы, все, казалось бы, вовсе не прокоммунистические и совсем не левые структуры и сообщества. Например, по данным Левада-Центра, о распаде Советского Союза сожалеют 62 процента, не сожалеют 28 процентов, затрудняются ответить 10 процентов. 31 процент полагает, что распад был неизбежен, 59 процентов — что его можно было избежать. Восстановить Советский Союз и социалистическую систему хотели бы 60 процентов опрошенных. И большая их часть вовсе не голосует за КПРФ.

А «советское начало» и по-прежнему всегда рассматривалось как нечто большее, нежели «коммунистическое начало», несмотря на значи-

тельную связанность обоих понятий.

В каком-то смысле к 70–80-м годам вообще можно было говорить даже не о том самом «советском народе» как «новой исторической общности», а действительно о новой «советской нации», понимая под ней не «нацию коммунистов» и даже не «нацию сторонников советской власти», а нацию отождествляющих себя с пространством единого союзного государства: это как раз примерно те самые три четверти граждан, которые на референдуме 1991 года проголосовали за сохранение СССР. «Советское» в этом смысле – весь тот мир, который был создан в стране за семьдесят лет Великого, в общем, Эксперимента.

Для кого-то советское – это синоним слова «совок»: всё заскорузлое, серое, убогое, очереди, давка в транспорте, разборы личной жизни на парткоме, унижительные выезды на овощные базы и на картошку.

Для кого-то, и причем для большинства, советское – это совсем иное. Именно потому большая часть общества и хотела бы, будь это возможно, вернуться обратно.

Но ведь это – как в старой притче: «Что ты делаешь, тачечник? – Не видишь? Надрываюсь, везу камни... – А ты что делаешь, тачечник? – Разве не видишь? Я строю храм!»

«Советское» – это некий мир мечты, пусть не победившей до конца – но находящейся в стадии реализации. «Советское» – это созданная в конечном счете самим народом промышленность. Победа в войне. Построенные дома. Шаг за шагом, путь понемногу – но подрастающее благополучие. Чувство надежности и безопасности. Лгут те, кто утверждает, что весь народ пребывал в состоянии страха. Если не весь народ,

то, во всяком случае, его подавляющее большинство было убеждено, что живет в самой свободной, самой передовой и самой справедливой стране – чего сейчас, кстати, это самое большинство не считает. И дело здесь вовсе не сводится к пропаганде: таким до определенного момента было общее настроение – и действительность так или иначе подтверждала эту уверенность.

Вот здесь, наверное, главное в ощущении массами того «советского», которого им не хватает сегодня, – мира реализуемой мечты. Убежденности в том, что потребление менее важно, чем созидание, что материальное благополучие – лишь вторичная сторона жизни, что дружба может быть важнее денег, что реально общество, где человек человеку друг. Веры в торжество свободы и справедливости. Попытки бросить вызов всей предыдущей истории и всему остальному миру – и создать свой особый, нигде не виданный мир.

«Советское» для массового сознания – это все те успехи, которые были. И поскольку люди так или иначе сами работали на их достижение – и кстати, подчас платили за них

Главное в ощущении массами того «советского», которого им не хватает сегодня, – это мир реализуемой мечты. Вера в торжество свободы и справедливости. Попытка бросить вызов всей предыдущей истории и всему остальному миру – и создать свой особый, нигде не виданный мир.

своим собственным перенапряжением, своим собственным недоеданием и своим собственным недопотреблением, – эти успехи были тем дороже и тем явственнее.

«Советское» – это и оборона Ленинграда, и битва за Москву, Сталинград, и штурм Берлина. Опустившиеся после Вьетнама на колени Соединенные Штаты.

К ДАЛЕКИМ МИРАМ ПРОЛОЖИМ ПУТЬ,
И В ТАЙНЫ ПРОНИКНЕМ ВСЕЛЕННОЙ!

«Советское» – это достигнутое величие в мире. Гагарин и выход в космос, атомные станции и великие стройки.

И в этом смысле «советское» содержало в себе некоторое разделение: оно было и тем, о чем мечталось, и тем, что удавалось. Но тем самым одновременно несло в себе развилку – дельту между обоими началами, то, чем они различались.

Относительно массовое противопоставление себя системе к концу советского периода имело характер не антисоветского протеста и не апелляции к досоветскому началу. Оно выросло из разницы между мечтой и достигнутым. Не из их противостояния, а из требования их соединения, требования прийти до мечтаемого.

Общество разочаровалось в КПСС не потому, что ему стали говорить о репрессиях, нечестности и ошибках, бюрократизации и загнивании верхушки — загнивании, которое, кстати сказать, было намного меньшим загнивания власти в последние четверть века, — а потому, что КПСС отказалась строить коммунизм. То есть КПСС отказалась от реализации той мечты, которую подарили ей ее основатели, под реализацию которой она получила от народа власть.

И общество ответило: «Допустим, но зачем для строительства рынка нужна коммунистическая партия? Его должны строить совсем другие люди». Общество отказалось от советского строя не потому, что считало его плохим, а потому, что хотело большего: более советского, более «мечтаемого». Антисоветский переворот в основе своей был освящен «советской мечтой». Большая часть несет в себе память о «советском» как о «достигнутом», а в самой глубине общественного сознания, на его подземных этажах «советское» воспринимается как «мечтаемое». А те, кто не несет в себе эту личную память, воспроизводят ее в качестве «преданий» и «легенд». В сознании большинства — минимум двух третей, а то и больше — в тех или иных формах оживают слова Высоцкого:

*Было время — и были подвалы,
Было дело — и цены снижали.*

*И текли, куда надо, каналы
И в конце, куда надо, впадали.*

Здесь вполне резонно возникает вопрос о том, не происходит ли в данном случае некая абсолютизация «мечты» и за скобками оказываются те, кто вовсе не мечтал и не мечтает о «советском», а напротив — его ненавидит, равно как возможен упрек в определенном перекосе в сторону положительного в «советском» и умаление отрицательного в нем же.

В принципе можно подойти и с точки зрения уравнивания обоих подходов. Просто здесь речь идет не о рассмотрении взгляда одной стороны и взгляда другой — это само собой разумеется, — а о попытке понять и объяснить, почему «советское» остается — и не просто как воспоминание молодости, а как некий объективный фактор — и почему остается у большинства, почему тот самый зазор между «мечтаемым» и «достигнутым», как правило, трактуется с позиции не отказа от первого, а запроса на его достижение.

Хотя такой взгляд и не отрицает того, что подчас действительно разные люди, говоря об одном и том же времени, об одних и тех же ситуациях, видят в них совершенно разное. Но это уже тема для отдельного разговора.

Общество в массе своей хочет получить не что-то «несоветское», а что-то «еще лучшее, чем советское». Не вернуться в «досоветское» — что вообще нереализуемо, — а попасть куда-то в «сверхсоветское», «надсоветское». Так, чтобы от «советского» не отказываться — но чтобы еще лучше было.

И родилось всё это не потому, что так людей настроила современная пропаганда власти. Эта пропаганда власти стала такой, потому что поняла: в утверждаемых в обществе

своих образах нужно не элиминировать «советское», а напротив — насыщать их им или имитировать это насыщение, а править обществом при таком его состоянии — другого-то состояния и не может быть объективно исторически — реально, только опираясь на его «советскую» составную часть во всех ее проявлениях.

Поэтому когда противники Путина упрекают его в том, что он «возвращает страну в “совок”», они лишь повышают его рейтинг. И коллективное бессознательное общества замирает в трепещущей надежде: «Неужто и впрямь? Вот он — пришел освободитель! В “советское достигнутое” вернет! А ведь там — чем черт не шутит, — может, и “советское мечтаемое” проглянет?»

Правители 90-х не понимали, что в постсоветском обществе — то есть обществе, стоящем на советском фундаменте, — нельзя двигаться не только вперед, но и вообще никуда, не опираясь на этот фундамент. А попытки его уничтожить приводили лишь к тому, что вся конструкция проседала и рушилась.

Успех Путина в значительной степени заключается в том, что, неся в себе самом много «советского», он оказался ограничен этим настроением и к тому же понял, что нужно не ломать их, но, с одной стороны, по возможности укреплять, а с другой — на них опираться в своем движении.

Машин времени не бывает. Вернуться в досоветский период Россия не сможет. Никакая реставрация никогда не бывает полной. И чем более полной она пытается быть, тем быстрее ее сметает новая революция. Сделать из опирающегося на «советское» «несоветское» — невозможно: опираться не на что. И потому постсоветское общество способно двигаться и развиваться

ся, только вбирая в себя и используя в качестве опоры «советское». Никуда не денешься. Более того, как ни парадоксально, но во всех своих целях и устремлениях постсоветское общество подспудно, подчас неосознанно основой этих целей и устремлений будет иметь в той или иной форме «советскую мечту». Иначе не получается.

Вообще в советском начале можно выделить, как минимум, три пласта.

Самый последний и чаще всего вспоминаемый — пласт сытого благополучия, зажиточности и гарантий социальной справедливости, отождествляемый в первую очередь с «советским викторианством» — брежневским периодом.

Второй, более глубокий, — это пласт динамичного роста, наступательного фронтального порыва: пласт Космоса и Целины, пласт Победы и создания Великой Индустрии.

Третий пласт — это именно то, о чем шла речь выше: пласт романтики и мечты, железного натиска и штурма старого мира. Почему победили красные? Конечно же, потому что они землю крестьянам дали — а белые так и не нашли в себе смелости это сделать. Это правда. Но еще и потому что в походных котомках красных конников лежали зачитанные томики «Города Солнца» Томмазо Кампанеллы.

Белые говорили: «Мы вернем старое — привычное и святое». Красные говорили: «Мы дадим людям самим построить Новый Мир».

Первые несли с собой тоску по утраченному. Вторые — мечту о небывалом.

В чем великая правда «Солнечного удара» Никиты Михалкова? В том, что он своим фильмом блестяще экранизировал строки Маяковского:

*Кругом тонула Россия Блока.
Незнакомки, дымки севера*

Владимир Высоцкий (на фото):
«Было время – и были подвалы,
Было дело – и цены снижали.
И текли, куда надо, каналы
И в конце, куда надо, впадали».

*Шли на дно, как идут обломки
И жестянки консервов.*

В том, что показал, как обречены утонуть в истории те, кто так и не понял — почему оказался чужим для своего народа.

Когда-то основные достижения советского общества описывали как перечисление свершений: коллективизация, индустриализация, культурная революция, Победа в Великой Отечественной войне, целина, космос, мощная промышленность, опережающее развитие науки, бесплатное здравоохранение, всеобщее

образование, на мировом уровне признанные достижения культуры и искусства, уверенность в завтрашнем дне, растущее материальное благосостояние, отсутствие безработицы, плановое ведение хозяйства.

На самом деле — без всего этого идти вперед действительно нельзя. Даже без планового хозяйства: чего стоит рыночное — можно увидеть на примере истории российской экономики последней четверти века и четырех кризисов: 1992, 1998, 2008, 2014 годов. А еще — на примере перманентного кризиса ми-

Стругацкие просто описали страну, проигравшую войну. СССР сам отказался от борьбы, которую он вел со старым миром начиная с 1917 года, — и получил то, что и должен получить отказавшийся от борьбы.

ровой экономики, судьбы Греции, Италии, Испании, Португалии.

По недавно полученным данным Левада-Центра, 55 процентов граждан называют лучшей экономической системой «ту, которая основана на государственном планировании и распределении», и лишь 27 процентов — «ту, в основе которой лежат частная собственность и рыночные отношения». То есть почти в точности воспроизводится пропорция отношения к восстановлению памятника Дзержинскому. «Демократию западного образца» считают лучшей политической системой 11 процентов граждан, нынешнюю российскую модель — 29 процентов, «советскую, которая была у нас до 90-х годов», — 34 процента. По некоторым другим данным еще 11 процентов предпочли бы монархию.

Кстати, и общие политические контуры советской системы — это по сути своей именно то, что пытается реализовать и пропагандирует Запад. Ведь что такое совет-

ская система в своем конституционном значении? Это власть, организованная снизу вверх, полноправная система местного самоуправления, наделенная полномочиями выстраивать систему центральных органов власти. Что такое «руководящая роль партии»? Подчинение государственного аппарата сверху до низу институтам гражданского общества: потому что политические партии (партия), профсоюзы и комсомол — это именно институты гражданского общества, если понимать под последним совокупность отношений, не опосредованных государством. В том или ином виде, под теми или иными названиями это те начала, без которых полноценное общество в XXI веке вообще существовать не может.

Но всё это относительно вторично. Наука, политическая организация, промышленность, социальная сфера, военная мощь, атом и космос — всё это несомненные и вместе с тем во многом растраченные, разрушенные, по дешевке рас-

проданные сокровища советской эпохи.

Но именно сокровища. Маркс в свое время резко разделял и в чем-то противопоставлял сокровища — капиталу. Сокровища — это накопленные богатства, которые можно либо хранить, либо тратить, но они конечны. Капитал — это самовозрастающая стоимость. Это то, что производит богатства — и в своем функционировании постоянно расширяет их воспроизводит.

Брать с собой сокровища советской эпохи — то из них, что сохранено или может быть восстановлено, — конечно, нужно. Но недостаточно — потому что нужно брать капитал. То есть то, что постоянно толкало СССР к развитию, сделало ведущей державой мира и заставляло элиту США быть фатально уверенной в том, что ее соревнование с Союзом обречено на поражение, — до тех пор пока, к ее изумлению, его новые лидеры сами не отказались от соревнования и решили капитулировать, заодно поделив созданные сокровища и отрекшись от создавшего их капитала.

В последней книге Бориса Стругацкого 2007 года «Интервью длиною в годы» помещен его ответ на неоднократно за-

дававшийся вопрос относительно «Обитаемого острова» и описанной в нем Страны Отцов: «Как вам удалось в конце 60-х так точно угадать будущее? Ведь это же современная Россия!» И суть ответа сводится к тому, что ни о каком угадывании не может быть и речи — тут одна чистая логика: Стругацкие просто описали страну, проигравшую войну. СССР сам отказался от борьбы, которую он вел со старым миром начиная с 1917 года, — и получил то, что и должен получить отказавшийся от борьбы. Они просто показали в 1969 году, что станет с СССР, если он от борьбы откажется.

Верная сама по себе идея единства отечественной истории при нерешенности вопроса о соразмерности значимости всех ее периодов не дает решить вопрос и о сути этого капитала, и о том, как развиваться дальше.

Возможны две трактовки единства советского и досоветского периодов.

Первая заключается в том, что основное и главное — это величественная дореволюционная история, главное произошло там и тогда. А советский период — это некое проблемное дополнение, в котором тем не менее тоже было немало достойного и хорошего.

Вторая предполагает, что главное и самое великое для страны — всё же в XX веке. Вполне достойная и героическая дореволюционная история — в целом предмет гордости национальной памяти. Но это — лишь предыстория, фундамент рожденного Революцией прорыва и триумфа страны в советский период.

Первая трактовка включает в себе предположение, что в будущее России в первую очередь нужно брать ее тысячелетнюю традицию, не забывая и о имевшемся в советской истории.

Вторая трактовка полагает, что с собой нужно брать прежде всего именно содержание советского периода, его способность к прорывам и мобилизации — способность, во многом основанную и на достигнутом в досоветский период.

И здесь опять возникает вопрос о том, что есть капитал советского периода. То есть о том, что качественно отличало советско-революционный период от досоветского. Если использовать модную патристическую терминологию — в чем коренное отличие Красной империи от Белой.

Дореволюционная Россия была традиционным обществом, обществом постоянства, которое время от времени прерывали стремительные рывки — иначе оно вообще не смогло бы угнаться за временем, — но в целом это было господство традиции (а до петровского прорыва — общество обычая).

1917 год — точнее, Октябрь 1917 года — стал рубежом перехода и России, и мира к обществу прорыва. Начало создаваться общество Фронтисра, общество Познания и Созидания.

Прежде мир воспринимался как в основном неизменный, в котором человек принимает его как данность и к нему приспособляется. Советский период — это состояние, когда мир рассматривается как в основном изменяемый, подвластный человеку — но изменяемый не произвольно, как это было сделано после 1985 года, а на основании законов окружающего мира. Но изменяемый — и это главное.

Отсюда суть советского периода, тот его капитал, который всё время толкал его вперед, — это новое мироощущение, ощущение способности менять мир, если существующий мир не самый лучший из миров, и принимать вы-

зов, согласившись на построение Нового Мира и нового общества.

И одним из ядер этого ощущения является укоренение постулата о том, что потребление — не главное. Это — средство: главное — это созидание. Не созидание — средство для потребления, а потребление — средство для созидания. Мир изменяем, а познавать, творить и созидать — интереснее и важнее, чем потреблять. Это — центральный пункт советского наследия и советского мира.

И обеспечивается это среди прочего — и идеологией.

Как фактом ее существования в данном обществе, потому что идеология по сути своей — это цели и ценности, чем она отличается от религии, хранящей ценности, но не признающей власти человека над миром и не ставящей цели его изменения.

Так и характером этой идеологии, потому что подобную задачу может решать только та идеология, которая, с одной стороны, признает познаваемость мира, а с другой — на основе этого познания ставит задачи его изменения.

И здесь ответ и на вопрос о причинах растущей популярности идеи восстановления памятника Дзержинскому и сути тяги к тому, чего явно лишено нынешнее российское общество, — к Романтике и Твердости.

Пользоваться остатками богатств советского общества, торговать ими и не понимать сути того, что их создало, — это же «Пикник на обочине» Братьев Стругацких: Землю посетила великая и непонятная цивилизация — и ушла, оставив некие материальные остатки. И люди живут рядом с этими остатками, разыскивают их и торгуют ими, так и не понимая, что это за остатки, чего это остатки и чем была эта цивилизация.